

УДК 130.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-191-201

ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНЫЕ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И РИСКИ РЕГРЕССА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Оконская Наталия Камильевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Внутских Александр Юрьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь),

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Брылина Ирина Владимировна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск)

В условиях информатизации развитие человекообразных систем (например, систем типа «человек–техника») играет наиболее важную роль в дальнейшей эволюции общества. Однако рискованный потенциал этих систем вследствие экспоненциально быстрого развития т.н. «опасного знания» значительно превышает риски социотехнических систем индустриального общества. С одной стороны, информационные технологии дают человеку невиданные до сих пор возможности творчества. С другой стороны, большинство людей пока используют их в качестве пассивных потребителей, готовых автоматизировать не только некоторые аспекты профессиональной деятельности, но и межличностные взаимодействия, осознаваемый компонент общественных отношений. Но это означает, что мы теряем осознанность индивидуальной жизни и общественных процессов, мы все меньше готовы к рефлексивным усилиям. Это приводит к «виртуальной объективации» человека, потере его идентичности, сводит его к состоянию элемента сетевого механизма, не желающего и не способного глубоко осознавать, осмысливать общественные отношения. «Искусственная виртуальность» вытесняет «естественную виртуальность» индивидуального и общественного сознания. И поскольку информационные технологии в современных социокультурных условиях могут разрушать саму способность человека к такому осознанию, авторы рассматривают знание, связанное с информационными технологиями, как потенциально «опасное». В качестве ответа на этот вызов авторы видят, во-первых, развитие научной концепции сознания как существенно автономного и не сводимого к его материальным основам. Во-вторых, они полагают, что необходимо развитие образования в направлении технологий «письма и мышления», которые формируют компетенции рефлексивного, критического и системного мышления.

Ключевые слова: информатизация, сознание, «опасное знание», «виртуальная объективация».

HUMAN-DIMENSION SYSTEMS OF INFORMATION SOCIETY AND RISKS OF SOCIAL RELATIONS REGRESS

Natalia K. Okonskaya

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Alexander Yu. Vnutskikh

Perm State University (Perm),

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Irina V. Brylina

Tomsk Polytechnic University (Tomsk)

The development of human-dimension systems (e.g. «human–technique»systems) is supposed to play the most important role in the further evolution of society in the context of informatization. However, the risk-generating potential of these systems significantly exceeds the risks of socio-technical systems characteristic of industrial society due to the exponentially rapid development of so-called «dangerous knowledge». On the one hand, information technologies offer unprecedented opportunities for human creativity. On the other hand, a significant majority of people still use them as passive consumers. They are ready to automate not only some aspects of professional activity but also interpersonal interactions, i.e. a conscious component of social relations. This means that we are losing consciousness of individual life and social processes. We are less and less willing to make reflexive efforts. This leads to a «virtual objectification» of person, a loss of identity, reduces person to the state of an element of the network mechanism, unwilling and unable to deeply understand and comprehend social relations. «Artificial virtuality» displaces the «natural virtuality» of individual and social consciousness. Since in the current sociocultural context, information technology can destroy a person's capacity for such understanding and comprehension, we consider knowledge associated with information technology to be potentially «dangerous». We see a response to this challenge in the following. Firstly, it is necessary to develop a scientific concept of consciousness as essentially autonomous and not reducible to its material foundations. Secondly, education should be developed in the direction of «Writing and Thinking» technology, which forms the competence of reflective, critical and systematic thinking.

Keywords: informatization, consciousness, «dangerous knowledge», «virtual objectification».

Постановка проблемы

Человекоразмерность искусственной среды информационного общества существенно отличается от таковой индустриального периода его развития — даже относительно общества образца 1970-х гг. Сегодня ведущими оказываются компьютерные системы коммуникаций, соединенные с индивидами связями, роль субъективного принятия или непринятия которых и степень включения человека в них становятся все более важными. Это означает увеличение значения субъекта в целом. Очевидно, что вследствие обострения глобальных проблем современности и турбулентности актуального этапа общественного развития (характеризуемого такими концептами, как «общество риска», VUCA-реальность) социальные субъекты должны сознательно контролировать меру ожидаемого результата использования вещной среды для достижения своих целей, а при необходимости — для корректировки этих целей. Однако в условиях развития электронной культуры такой контроль все чаще заменяется бездумным использованием техноконтехнологической, коммуникативной и других функций «второй природы» и, — фактически, десубъективацией человека.

Эти процессы актуальны уже сегодня. Все мы ощущаем нарастающую степень автоматизации профессиональных практик и практик межличностного общения, повышение роли шаблонов в социальной адаптации, навязываемых ростом глобальной конкуренции и все более узкой специализацией труда. По мнению авторов, необходимо пристальнее взглянуть на все более многочисленные факты *неосознанности человеческой деятельности*, на деформации сознания человека, который в этих условиях утрачивает интерес к смысловому и ценностному поиску, к поиску обоснований и доказательств.

Действительно, контролирующая роль субъекта базируется на его сознательных практиках, на ценностных и знаниевых ориентациях, обосновывающих существенную автономию сознания. Можно было бы надеяться, что научная картина мира сможет фундировать эту автономию. Однако в результате «расслоения» современной научной методологии изучения сознания оно все чаще понимается вульгарноматериалистически, через сведение сознания к процессам нейронной активности мозга человека (и животных) или через отождествление сознания с современной формой искусственного интеллекта. Все более широкое практическое использование специфических данных о работе

мозга также все чаще становится основанием для вульгарно-материалистических трактовок сознания. Взять, к примеру, биологическую обратную связь (БОС-терапия) — метод, заключающийся в измерении, визуализации и обучении произвольному изменению, корректировке физиологических параметров организма. Подобные практики подводят ученых и общественность к вульгарному материализму в трактовке сознания, поскольку манипуляции с мозгом, приводящие к изменению сознания, как будто убеждают в том, что именно «мозг мыслит», а то обстоятельство, что имеет место активное, осознанное участие человека как социального существа в коррекции своего состояния, — недооценивается.

Однако следует признать критическое состояние самой современной философии. Замена человеческих по содержанию социальных связей на суррогаты, являющиеся результатами технизации коммуникативных практик, значительно ослабляет ее влияние, приводя не только к падению внешнего авторитета философских наук у широкой общественности, в образовании и научной среде, но и к пересмотру внутрифилософских парадигм сознания, познания, теории истины. Дело в том, что в философской картине мира до сих пор отсутствует общепринятая теория происхождения и сущности сознания. В современных условиях умение философии задавать вопросы блекнет перед упомянутой способностью частных наук давать ответы — хотя бы излишне поверхностные и редуccionистские. Однако эти ответы на первый взгляд коррелируют с технизирующей социальной реальностью. Соответственно, эпистемология и гносеология как философское знание вытесняются, в частности, когнитивистикой [Юлина Н.С., 2015].

Сам по себе перечень объяснительных стратегий для решения психофизиологической проблемы («биологический натурализм», «квантовые подходы», «репрезентационизм», «супервентный физикализм», «интеракционистский дуализм» и пр.) означает для философии потерю автономного статуса в культуре. По словам Н.С. Юлиной, «...за скобки выводятся онтологические вопросы, относящиеся к природе сознания, и принимается методологическая посылка, что человек есть зомби. ... Люди питаются ложными представлениями о своей созна-

тельной деятельности: одни полагают, что наше мышление есть продукт особого “тайного огня” — сознания, другие связывают мышление исключительно с нейрофизиологическими процессами мозга» [Юлина Н.С., 2015, с. 78–79]. Функциональный подход к природе сознания приводит не только к трансформациям понимания проблем идеальности [Дубровский Д.И., 2011], но и к прямым деформациям осознаваемых социальных практик, их упомянутой автоматизации, что потенциально гораздо опаснее, чем теоретические кризисы философии и частных наук. Искусственная виртуальность, в которую погружается современный субъект, разрушает сознательный критический подход, «влечет подмену объективных критериев реальности критериями “правильного” исполнения роли, всевозможными суггестивными клише» [Дубровский Д.И., 2011, с. 63].

Фактически не разобравшись, кто есть человек, почему в современном обществе в столь малой степени реализуется его потенциал, и в чем состоят действительные причины кризисного состояния человеческой сущности, мы в принципе готовы с легкостью отказаться от человеческого в себе как от «недостаточно эффективного». Как пишет В.А. Лекторский, «появляются и начинают осуществляться опирающиеся на научное знание проекты переделки человеческой телесности и психики (и связанные с этим идеи “пост-человека” и “трансгуманизма”)». С помощью науки привычный “жизненный мир” взламывается и даже взрывается» [Лекторский В.А., 2011, с. 6]. Возникает опасное представление о том, что с помощью современной технoнауки человек может и должен выйти за пределы природных ограничений и создавать такие формы, которые ни в природе, ни в обществе стихийно возникнуть не могут [Лекторский В.А., 2011, с. 7]. А это переворачивает критерий истины: от принципа соответствия знаний объекту происходит переход к принципу соответствия нового человека размерного объекта знаниям о нем совокупного субъекта [Касавин И.Т., 2011, с. 41–46; Оконская Н.К. и др., 2016], который с точки зрения человеческой автономности становится субъектом все в меньшей степени.

Все сказанное заставляет нас обратиться к концепции «опасного знания» [Калинина Н.А., 2012]. К его проявлениям относятся научные

концепции, которые несут существенные социальные риски, в т.ч. имеющие необратимый характер; опасное знание связано с рисками непреднамеренных техногенных катастроф, с созданием технологий массового уничтожения, с юридически не санкционированным использованием технологий и т.д. [Бельков О.А., Мирошниченко В.М., 2008]. Если обобщить, то к опасной составляющей любого знания следует отнести все чреватые катастрофическими сценариями ошибки разработчика технологий и их пользователя, массового потребителя. И, на наш взгляд, экспоненциально быстро развивающаяся информатизация общественных отношений способствует тому, что сегодня *мир знаний*, созданный человеком, дополняет собой три «привычных» (но не становящихся от того менее катастрофичными) глобальных источника опасностей: природу, человеческое общество и созданную им «вторую природу» — мир техники и технологий.

Бесконтрольное развитие опасного знания приводит к превращению единичных рисков к глобальной рискогенности инноваций, к формированию «общества риска». Общество всегда противостояло природе, однако риски информационного общества задают новую меру разрушительных сил, направленных и против природы, и против человека: «современные риски не имеют конкретного виновника; в таком обществе каждый является причиной и следствием возникновения рисков (риски коллективной безответственности)» [Соколов Ю.И., 2016, с. 8].

Под ударом опасного знания оказываются окружающая природная среда, сам человек, теряющий свою идентичность вследствие вытеснения ценностно-ориентированных, осознаваемых в человеческом смысле практик целерациональными действиями, когда любая «высокая» цель может быть незаметно превращена в средство адаптации к актуальной ситуации, которую иначе как ситуацией кризиса не назовешь. «В этих условиях и существование человека становится все более рискогенным. Современный человек не только попадает в ситуации риска, но и сам их провоцирует и создает, пытаясь выжить» [Соколов Ю.И., 2016, с. 14].

В свете сказанного проблема нашего исследования может быть сформулирована следующим образом: можно ли действительно считать информатизацию общественных отношений

новым источником опасного знания и, если да, — какими могут быть способы осознания этой опасности и снижения связанных с ней рисков?

Результаты и обсуждение

Хотелось бы в первую очередь отклонить возможные упреки в технофобии. Авторы согласны, что научно-технический прогресс остановить невозможно и он может нести благо (в соответствующих социокультурных условиях его реализации). Однако необходимо сделать все возможное для осознания его возможных негативных последствий, которые также (как реальные возможности) есть определенная форма бытия. Опасное знание и воплощающие его технологии, как отмечалось выше, создает множество угроз. Но, вероятно, главную опасность могут представлять именно то знание и те технологии, которые *разрушают саму способность человека к такого рода осознанию*, к критическому мышлению в отношении потенциально опасного знания. К их числу, на наш взгляд, можно отнести и знание, связанное с информационными технологиями. Подчеркнем еще раз — это знание и эти технологии амбивалентны; их использование зависит от человека, общества. Например, именно они дают невиданные до сих пор возможности для творчества. Однако фактом является то, что в современной социокультурной ситуации что-то подталкивает большинство людей использовать эти технологии диаметрально противоположным образом, предпочитая путь *«виртуальной объективации»*, при которой человек «омасовляется», стандартизируется, становится частью единого сетевого механизма [Бытие в мире электронной культуры, 2020, с. 27]. И в этом состоит их экзистенциальный вызов человеку, человеческому в нас. Все ли смогут принять этот вызов и адекватно ответить на него?

В этой связи показательна ситуация с молодыми поколениями. Новый порядок — порядок технический — имитирует функции социального института, но под воздействием его в сознании новых поколений образовались огромные пустоты и огромные различия вследствие радикального обновления техники и технологии: компьютеризации, роботизации, цифровизации. Молодые люди легко включаются в интеллектуальную игру овладения машинным алгоритмом. Однако их собственное мышление при

этом рискует быть унифицированным до машинного кода. Только *свободный* субъект стремится упорядочить новое разнообразие, «включая его в собственную структуру и постоянно преобразуя тем самым собственную модель мира — алгоритмы реакций на последующее воздействия» [Назаретян А.П., 1983, с. 143]. Однако достижение свободы субъектом — сложная социальная практика, структурируемая взаимодействием *реальных социальных институтов*, — к примеру, образования, политики и экономики. В условиях информатизации и компьютеризации «прогрессивное изменение института образования определяется активизацией воспитательных функций образования для встраивания фундаментальных общечеловеческих компетенций (коммуникативности, креативности и обучаемости как способности понимать, критически оценивать и практически использовать новую информацию) в профессиональную структуру общественного разделения труда» [Оконская Н.К., Ермаков М.А., 2016, с. 26]. Однако не следует упускать из виду и противоположный сценарий «обработки людей людьми» [Marx K., Engels F., 1976], когда в условиях классового антагонизма происходит навязывание большим социальным группам чуждых им интересов в форме их «собственных». И в этих противоречивых условиях наблюдается разрушение субъекта, которое выражается не только в «тепловой смерти чувств», но и в необратимой потере способностей к пониманию ситуации и контролю над ней.

Из факторов самоидентификации человека уходит система ценностей, умение и желание их отстаивать для сохранения идентичности. Ролевое смешение, чрезмерно завышенные или, напротив, необоснованно заниженные требования к себе и к окружающим, конфликтность, приходя взамен идентичности, являются показателями духовного отчуждения человека от самого себя. Помимо прямого разрушения (техногенные катастрофы, экологические и военные кризисы, другие катаклизмы) человек оказывается в ловушке потери своей устойчивости в ситуациях преобладающей сложности технических компонентов овеществленного труда и коммуникаций. Значительный риск-потенциал содержится не столько в переоценке системы ценностей, сколько в потере ею своей естественной функции — выступать в

качестве важнейшего регулятора социальных отношений. Феномены, доказывающие потерю регуляторных функций духовности, ценностных ориентаций, участвующих в информационных процессах субъектов, — это эмоциональная ущербность, разрушение моральных обязательств в коммуникативной и трудовой практике в связи с возрастающим индивидуализмом, а также кризис семьи, рост преступности, другие девиации. Как пишет признанный теоретик Ф. Фукуяма, «по мере того как люди освобождаются от традиционных связей ... общение по выбору ... рождает в них чувство одиночества и дезориентации, тоски... То общество, которое не хочет “никаких пределов” для своих технологических инноваций, сталкивается с этим же самым “никаких пределов” и для многих форм индивидуального поведения, с ростом преступности, с распадом семей, с пренебрежением людей родительскими обязанностями, с отчуждением соседей, с отказом граждан от участия в общественной жизни» [Фукуяма Ф., 2003, с. 28].

Чувство одиночества, отсутствие доверия и инициативной практики ведет к дезориентации значительной части общества, усугубляя риски социального развития. Если общественные институты не изменяют акцента своих управляющих воздействий с технико-технологического фактора (овеществленный труд) на подлинно человеческий, включая и уровень культурно-моральной полноценности личности, — то *регресс общественных отношений, связанный с вытеснением человеческого компонента из современных человекообразных систем и их все меньшей осознаваемостью, может оказаться неизбежным*, и этот вывод подтверждается не только в рамках философской картины мира. Знаком регресса становится смена эмоционального фона общественного сознания с оптимистичного на крайне пессимистичный, что также негативно сказывается на ходе коммуникаций и взаимопониманиях в социуме. Радость уходит, человек погружается в бездну безынициативности либо в бездну яростных и бессмысленных (ввиду отсутствия конструктивной программы) атак на окружение, существующие социальные институты — а иногда и на самого себя — в попытке отыскать «виновных» в ситуации. Такое умонастроение по-своему свидетельствует о десубъективации современного человека, по-

скольку именно «оптимизм — это мировоззрение, которое имеет целью преобразовать жизнь человека и развить его способности самому влиять на обстоятельства своей жизни ... по пути самосовершенствования» [Андреева Ю.В., 2020, с. 43].

Технизация, понимаемая как сущностная способность человека, «выход из потаенности», является объективно необходимым процессом. Однако объективные системы, не вполне осознанные с точки зрения их закономерностей, обнаруживают тенденцию разрушать автономность социальной системы, несмотря на ее превосходящую сложность. В этом случае человек оказывается в полной зависимости от технических компонентов труда — и в деятельности, и в коммуникации, и в мышлении (через специализацию и инструментализацию общественного сознания). Отчуждение от других и от самого себя усиливает и ужесточает объективные процессы социальных антагонизмов, ведущие к разрушению целостности личности и потере социальной стабильности всех субъектов участия: от всего человечества, гражданского общества до институциональных и индивидуальных субъектов.

Большинство людей сохраняют «позаимствованную из XIX века старомодную уверенность в том, что машина поможет человеку облегчить тяготы жизни, что она останется средством достижения целей. Они не видят опасности того, что если позволить технологии следовать своей собственной логике, она разрастется как раковая опухоль, угрожающая в конечном счете сложившейся системе индивидуальной и социальной жизни» [Фромм Э., 2004, с. 21]. Человек вынужден вступать в конкуренцию с техникой, технологией — но на фоне этой конкуренции он и сам вынужденно становится «машиноподобным» (ведь в производственном и организационном процессе машине нужно соответствовать), духовно умаляя человеческие качества и таким образом дискредитируя свои собственно человеческие качества и способности — дискредитируя самого себя и перспективы собственного развития. Разрушаемая самооценка ведет к дальнейшей деградации человека в его коммуникативных взаимодействиях. Мы называем такую ситуацию одним из проявлений неподлинного существования. В условиях неподлинности, как считает М. Хайдеггер,

именно человек, превращенный в «свое иное», оказывается «выдан» технике, «затребован» ею [Хайдеггер М., 1993].

Только благодаря сохранению и развитию своего человеческого содержания субъект может использовать НБИК технологии, ИИ и другие информационные объекты безопасным для себя образом, без превращения самого себя «в иное» техники и технологии. В условиях же описанной деградации субъекта *искусственная виртуальность* становится вполне конкурентоспособной в своем противостоянии естественной *виртуальности* духовно развитого человека. Главным критерием потери духовности мы видим обобщающий критерий, найденный философом-гуманистом Эрихом Фроммом: «тенденция к возведению технического прогресса в высшую ценность связана ... с глубокой эмоциональной привязанностью ко всему механическому, неживому, изготовленному человеком» [Фромм Э., 2004, с. 73]. Встраиваясь в технологические сложные системы, человек оказывается превращенным в технический элемент, лишенным своего главного преимущества: духовного мира, сознания, дающего возможность не только знать, но и понимать. Не рефлекслируемая в этой связи волна, затопившая через технизацию человечество вместе со всеми его прежними достижениями, — это волна кибернетической компьютерной виртуальности, напрямую связанная с потоком опасного знания, с потерей идентичности человека, а косвенно — со взрывоподобным увеличением рискогенности технических достижений человечества.

На фоне кажущегося благополучия компьютерное время, «украденное» у субъективной реальности, имплицитно несет в себе мир не подвластных человеку изменений, разрушающих как собственно человеческое в нем, так и *его биологическую основу*. «Врачи в Южной Корее, высокоразвитой индустриальной стране, которая является мировым лидером в области информационных технологий, отметили у молодых взрослых людей участвовавшие случаи нарушения памяти и способности к концентрации, рассеянность внимания, а также явное снижение глубины эмоций и общее притупление чувств. Описанные симптомы позволили врачам выявить новое заболевание — цифровое слабоумие» [Шпитцер М., 2014, с. 8]. «В 2007

году специалисты стали отмечать, что все больше подростков, представителей цифрового поколения, страдают потерей памяти, расстройством внимания, когнитивными нарушениями, подавленностью и депрессией, низким уровнем самоконтроля. Исследование показало, что в мозгу этих пациентов наблюдаются изменения, схожие с теми, что появляются после черепно-мозговой травмы или на ранней стадии деменции — слабоумия, которое обычно развивается в старческом возрасте» [Стрельникова Л.Н., 2014, с. 42]. Эти фактические подтверждения массовой рискогенности современного способа применения информационных технологий отражают еще и вторичную индуцируемую быстрым развитием глобализации опасность происходящих изменений ситуации в т.н. обществе знания.

«Сказать, что дети стали умнее благодаря Интернету, нельзя. Нынешние одиннадцатилетние выполняют задания на уровне восьми- или девятилетних 30 лет назад» [Стрельникова Л.Н., 2014, с. 46]. Нельзя также утверждать, что дети стали креативнее или более эффективно действующими в условиях многозадачности. Система образования все чаще приучает детей искать ответы, не ставя вопросов. Но опасность знания, ориентированного исключительно на инструментальность его применения, скрыта как от индивидуальных субъектов, так и от ведущего института познания — от науки, которая, как отмечалось выше, в современных условиях оказывается лишенной связи с философской методологией. Последние исследования российских психологов и американских социологов подтверждают эти опасные тенденции [Твенге Дж.М., 2019; Коптева Н.В., 2020].

Разумеется, возникает вопрос — что делать для избежания риска деградации общественных отношений, трансформирующихся в силу элиминации человеческого компонента из социотехнических систем, рефлексии в отношении их развития? «По сути, техническое переоборудование производства нацелено на блокирование хаотизирующего ... воздействия субъекта производства, и свободный выбор самого человека — главного участника технологизированных процессов — оказывается подчиненным служению порядку, строгой кнопочно-конвейерной ритмике, уравнивающей живое и мертвое, здоровое и заболевшее, быстрое и

медленное» [Оконская Н.К., Агапитова Л.В., 2014, с. 117]; «встраивание человека в информационное пространство меняет его идентичность, превращая в объект, элемент искусственного мира» [Бурова М.Л., 2014, с. 32]. Очевидно, что «отменить» информатизацию невозможно, однако ее необходимо сбалансировать *направив все усилия на формирование, сохранение и развитие автономности человеческих субъектов, социальных институтов для сохранения человеческого компонента современных общественных отношений и человеко-размерных систем.*

С точки зрения конкретно-научного подхода (неклассической термодинамики) суть управляющего воздействия для обеспечения этого желаемого результата состоит в сохранении *устойчивого неравновесия* через определенную «энтропизацию» окружающей среды [Дружинин В.В., Конторов Д.С., 1976; Назаретян А.П., 1983]. С точки зрения формирования когнитивных способностей человека особое внимание следует обратить, во-первых, на феномен неявного знания: «когнитивные стратегии управления формируются посредством использования массивов *неявного знания* (курсив наш. — Н.О., А.В., И.Б.). Это знание неформализуемо, — каналом его пополнения и распределения является межличностное взаимодействие» [Brylina I.V. et al., 2020, p. 643], основанное на индивидуальном сознании, на субъектности и ценностях людей.

Во-вторых, в современном обществе, в отличие от традиционного, самоидентификация каждого человека является рефлексивной. И если навык рефлексивности ограничен (технизацией, информационными рамками или сферой обыденного сознания), то личность может отчуждать свою идентичность даже в благоприятных социально-экономических условиях, не имея социальных практик контроля и ограничения темпов развития новой виртуальной реальности. Выход видится в опережающем развитии самостоятельного критического мышления, которое в последние годы становится все более востребованным [Полянина О.И. и др., 2018].

Заключение

Исследуемые проблемы, будучи следствиями одной и той же тенденции вытеснения есте-

ственной виртуальности человеческого сознания информационными технологиями в современных человекомерных системах, маркируют область возможного изменения степени рискогенности общественного развития. Все векторы познавательной и практической активности субъектов необходимо скорректировать в сторону усиления роли сознания, полноценной рефлексии, критического мышления. Этот проект можно обозначить как *развитие и применение социогуманитарных технологий*, дополняющих конвергентные NBIC-технологии, превращения их в полноценные NBICS-технологии. Ядром же этой надстройки должна стать новая форма *философии сознания и философии образования*, поскольку слабость понимания происхождения и сущности сознания связана с опасным незнанием последствий ослабления индивидуального сознания среднестатистического пользователя Интернета и современных форм искусственного интеллекта. Являясь самым ценным стратегическим ресурсом, знание человека и человеческое понимание обнаруживают свою ценность в условиях целенаправленного управления его интеллектуальными ресурсами и способностями. Ориентир на работу с сознанием всех социальных субъектов может гармонично включиться в структуру NBICS-технологий [Дубровский Д.И., 2011, с. 61, 71].

Мы полагаем эту область социальной действительности *главной областью контроля за рискогенностью развития информационных технологий*, а также инструментом снижения опасности соответствующего знания. Только работа с сознанием, приводящая к пониманию значения истины, правды, подлинности, веры, оптимизма взамен правдоподобия объективных показателей искусственной виртуальности, может способствовать восстановлению ценностной составляющей коммуникаций субъектов, восстановить их человеческую идентичность, их субъектность как таковую — и тем самым избежать риска деградации общественных отношений. Отметим, что эта работа сможет быть эффективной только при серьезном изменении социальных институтов (в первую очередь — института начальной, средней и высшей школы) и экономических отношений, поскольку именно они в своей современной форме способствуют реализации варианта «человек-потребитель для информатизации»; желатель-

ным же является вариант «информатизация для человека-творца». В свою очередь, такое восстановление функционала ценностных систем должно привести к восстановлению практик смыслополагания, вытесняемых сегодня практикой поиска средств для достижения целей без глубокой рефлексии в отношении того, *насколько человеческими являются эти цели и эти средства*.

Список литературы

Андреева Ю.В. Философская концепция оптимизма М. Зелигмана как перспектива модернизации педагогики успеха // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 3(29). С. 36–44.

Бельков О.А., Мирошниченко В.М. Опасность как социальное явление и научное понятие // Проблемы безопасности: электронный научный журнал. Т. 1, № 1. URL: [http://www.nic-nauka.ru/materia\(lfnf](http://www.nic-nauka.ru/materia(lfnf) (дата обращения: 20.01.2021).

Бурова М.Л. Идентичность и идентификация в условиях информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5(43), ч. II. С. 32–37.

«Бытие-в-мире» электронной культуры / под общ. ред. Л.В. Бажовой / Астрах. гос. ун-т. СПб.: Реноме, 2020. 192 с.

Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии. Проблемы теории сложных систем. М.: Сов. радио, 1976. 296 с.

Дубровский Д.И. Некоторые соображения об актуальных проблемах современной эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты: сб. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. С. 52–71.

Калинина Н.А. Феномен опасного знания в обществе риска // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4(18), ч. II. С. 93–96.

Касавин И.Т. Социальная эпистемология и проблемы истины // Эпистемология: новые горизонты: сб. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. С. 35–51.

Контева Н.В. Психологические последствия использования информационных технологий в связи с онтологической уверенностью и воплощенностью «Я» (на материале исследования студентов гуманитарного профиля) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-92-105>

Лекторский В.А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты: сб. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. С. 5–34.

Назаретян А.П. Системное представление информационных процессов и интеграция наук // Философско-методологические основания системных исследований. Системный анализ и системное моделирование: сб.. М.: Наука, 1983. С. 130–155.

Оконская Н.К., Агапитова Л.В. Образовательные свай в технический фундамент будущего // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10(48), ч. 1. С. 117–119.

Оконская Н.К., Ермаков М.А. Образование как ключевой фактор социальной дифференциации в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1(11). С. 26–38.

Оконская Н.К., Ермаков М.А., Резник О.А. Специфика методологии мышления в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 4(14). С. 14–23.

Полянина О.И., Балева М.В., Шевкова Е.В. Семантическая оценка смысловой динамики учебного пространства ВУЗа в процессе обучения критическому мышлению по модели свободных искусств и наук // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 4. С. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2018230404>

Соколов Ю.И. Проблемы рисков современного общества // Проблемы анализа риска. 2016. Т. 13, № 2. С. 6–23.

Стрельникова Л.Н. Цифровое слабоумие // Химия и жизнь. 2014. № 12. С. 42–47.

Твенге Дж.М. Поколение I. М.: Рипол Классик, 2019. 406 с.

Фромм Э. Душа человека. М.: АСТ; ООО «Транзиткнига», 2004. 572 с.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. 476 с.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

Шпитцер М. Антимозг. Цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2014. 288 с.

Юлина Н.С. Очерки по современной философии сознания. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 408 с.

Brylina I.V., Okonskaya N.K., Turchevskaya B.K., Emelyanenko E.E. Role of cognitive technologies in

innovative management strategies // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Krasnoyarsk, 2020. Vol. 90. P. 641–646. URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10005/11396/article_10005_11396_pdf_100.pdf (accessed: 24.02.2021). DOI:

<https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.74>

Marx K., Engels F. The German Ideology. Moscow: Progress Publ., 1976. 707 p.

Получена: 01.05.2021. Принята к публикации: 02.06.2021

References

Andreeva, Yu.V. (2020) [M. Seligman's philosophical concept of optimism as a prospect for the modernization of success pedagogy]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society]. No. 3(29), pp. 36–44.

Baeva, L.V. (ed.) (2020). *«Bytie-v-mire» elektronnoy kul'tury* [«Being-in-the-World» of electronic culture]. Saint Petersburg: Renome Publ., 192 p.

Bel'kov, O.A. and Miroshnichenko V.M. (2008). [Danger as a social phenomenon and a scientific concept]. *Problemy bezopasnosti: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Security Issues: electronic scientific journal]. Vol. 1, no. 1. Available at: <http://www.nic-nauka.ru/materia/lnfnf> (accessed 20.01.2021).

Brylina, I.V., Okonskaya, N.K., Turchevskaya, B.K. and Emelyanenko, E.E. (2020). Role of cognitive technologies in innovative management strategies. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. Krasnoyarsk, vol. 90, pp. 641–646. Available at: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10005/11396/article_10005_11396_pdf_100.pdf (accessed 24.02.2021). DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.74>

Burova, M.L. (2014). [Identity and identification under conditions of informational society]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 5(43), pt. 2, pp. 32–37.

Druzhinin, V.V. and Kontorov, D.S. (1976). *Problemy sistemologii. Problemy teorii slozhnykh sistem* [Problems of sistemology. Problems of complex systems theory]. Moscow: Sovetskoe Radio Publ., 296 p.

- Dubrovskiy, D.I. (2011). [Some thoughts on the current problems of modern epistemology]. *Epistemologiya: novye gorizonty* [Epistemology: new horizons]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 52–71.
- Fromm, E. (2004). *Dusha cheloveka* [The heart of man]. Moscow: AST Publ., Tranzitkniga Publ., 572 p.
- Fukuyama, F. (2003). *Velikiy razryv* [The great disruption]. Moscow: AST Publ., 476 p.
- Heidegger, M. (1993). [The question concerning technology]. *Vremya i bytie* [Time and being]. Moscow: Respublika Publ., pp. 221–238.
- Kalinina, N.A. (2012). [The phenomenon of dangerous knowledge in a society of risk]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. № 4(18), pt. 2, pp. 93–96.
- Kasavin, I.T. (2011). [Social epistemology and the problems of truth]. *Epistemologiya: novye gorizonty* [Epistemology: new horizons]. Moscow: Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., pp. 35–51.
- Kopteva, N.V. (2020). Psychological effects of information technology use in relation to ontological security and embodied self (based on the study of undergraduates of humanitarian faculties). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psikhologia. Sotsiologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-92-105>
- Lektorskiy, V.A. (2011). [Cognitive science as a challenge to epistemology]. *Epistemologiya: novye gorizonty* [Epistemology: new horizons]. Moscow: Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., pp. 5–34.
- Marx, K. and Engels, F. (1976). The German ideology. Moscow: Progress Publ. 707 p.
- Nazaretyan, A.P. (1983). [Systemic representation of information processes and integration of sciences]. *Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya sistemnykh issledovaniy. Sistemniy analiz i sistemnoe modelirovaniye* [Philosophical and methodological foundations of systems research. A systems analysis and systems modeling]. Moscow: Nauka Publ., pp. 130–155.
- Okonskaya, N.K and Agapitova, L.V. (2014). [Educational poling in technological foundation of future]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 10(48), pt. 1, pp. 117–119.
- Okonskaya, N.K and Ermakov, M.A. (2016). [Education as a key factor of social differentiation in the Information society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society]. No. 1(11), pp. 26–38.
- Okonskaya, N.K., Ermakov, M.A. and Reznik, O.A. (2016). [Methodology of thinking specifics in the information society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society]. No. 4(14), pp. 14–23.
- Polyanina, O.I., Baleva, M.V. and Shevkova, E.V. (2018). [Evaluation of the semantic dynamics of educational space of university in the process of nurturing critical thinking in students of liberal arts and sciences programme]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 23, no. 4, pp. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2018230404>
- Sokolov, Yu.I. (2016). [Problems of the risks of modern society]. *Problemy analiza riska* [Issues of Risk Analysis]. Vol. 13, no. 2, pp. 6–23.
- Spitzer, M. (2014). *Antimozg. Tsifrovye tekhnologii i mozg* [Digital technologies and brain]. Moscow: AST Publ., 288 p.
- Strel'nikova, L.N. (2014). [Digital dementia]. *Khimiya i Zhizn'* [Chemistry and Life]. No. 12, pp. 42–47.
- Twenge, J.M. (2019). *Pokolenie I* [IGen]. Moscow: Ripol Klassik Publ., 406 p.
- Yulina, N.S. (2015). *Ocherki po sovremennoy filosofii soznaniya* [Essays on contemporary philosophy of consciousness]. Moscow: Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 408 p.

Received: 01.05.2021. Accepted: 02.06.2021

Об авторах

Оконская Наталия Камильевна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский поли-
технический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;;
e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6052-5827>
ResearcherID: AAS-2052-2021

Внутских Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

профессор кафедры философии и права,
Пермский национальный исследовательский поли-
технический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>
ResearcherID: R-3075-2017

Брылина Ирина Владимировна

доктор философских наук,
доцент Отделения социально-гуманитарных наук
школы базовой инженерной подготовки

Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
634050, Томск, пр. Ленина, 30;
e-mail: ibrylina@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8947-9916>
ResearcherID: E-1609-2018

About the authors

Natalia K. Okonskaya

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6052-5827>
ResearcherID: AAS-2052-2021

Alexander Yu. Vnutskikh

Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;

Professor of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>
ResearcherID: R-3075-2017

Irina V. Brylina

Doctor of Philosophy, Associate Professor
of Department of Social Sciences and Humanities
of the School of Basic Engineering

Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin av., Tomsk, 634050, Russia;
e-mail: ibrylina@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8947-9916>
ResearcherID: E-1609-2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Оконская Н.К., Внутских А.Ю., Брылина И.В. Человекоразмерные системы информационного общества и риски регресса общественных отношений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 191–201. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-191-201

For citation:

Okonskaya N.K., Vnutskikh A.Yu., Brylina I.V. [Human-dimension systems of information society and risks of social relations regress]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 191–201 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-191-201